

связанных с ним конфликтах в правительственных кругах и в публичной сфере, о дипломатических шагах Совнаркома в первые месяцы его существования и об отношении к ним противников большевистской диктатуры.

3 Автор оспаривает господствующее среди современных историков убеждение в том, что подготовка сепаратного мира при Николае II являлась мифом, созданным для дискредитации монарха и его окружения. Как полагает исследователь, Британия имела серьёзные основания опасаться выхода России из войны. Германия уже с конца 1914 г. вела зондаж возможности подобного решения, а в Петербурге проявляли интерес к этим инициативам, поскольку были разочарованы неуступчивостью союзников при обсуждении послевоенной судьбы черноморских проливов (с. 75–76). Впрочем, Селезнёв так и не уточняет, была ли вероятность заключения сепаратного мира действительной или только мнимой (с. 175). Но именно с ней в книге связывается «дело» военного министра В.А. Сухомлинова. Пользуясь большим доверием императора, он довольно критически отзывался о странах Антанты. Так, Селезнёв приводит яркую цитату из воспоминаний генерала: «Союзники – Франция и Англия – должны были препятствовать тому, чтобы царь заключил мир. Англия видела созревающей свою большую победу: уничтожение русского могущества, которое стояло поперёк дороги её азиатским планам. Но Франция считала для себя гибельным, если русское пушечное мясо будет отнято у немецких пушек. Эти союзники царя шли неуверенно к революционерам и социалистам, убеждая их в общности интересов продолжения войны» (с. 71). Однако стоило бы напомнить читателям, что эти мемуары были написаны и впервые опубликованы в 1924 г. в послевоенном Берлине, тогда же переведены на немецкий язык, и резкие отзывы об Антанте в них выглядели вполне естественно.

4 Как полагает Селезнёв, Сухомлинов лишь создавал соответствующий канал «связи» между Россией и Германией, отправив в Стокгольм В.Д. Думбадзе (с. 73–76). В ответ англичане, по осторожному предположению автора книги, направили в Россию подпоручика Я.П. Колаковского (Кулаковского), обвинившего в государственной измене близкого к министру полковника С.Н. Мясоедова, а «русские спецслужбы проглотили наживку» (с. 72–73). Одновременно сторонники вел. кн. Николая Николаевича, ориентировавшегося на британцев, заговорили о «снарядном голоде», обвиняя в нём не начальника Главного артиллерийского управления вел. кн. Сергея Михайловича, а главу военного ведомства. В результате им удалось добиться отставки Сухомлинова и ареста Думбадзе (с. 80–81). Однако истоки «дела Мясоедова» уже достаточно хорошо освещены в современной литературе. Они уходят в предвоенные годы и тесно связаны с внутриправительственными противоречиями, с конфликтом между Сухомлиновым и либеральной оппозицией и его противостоянием со Ставкой. Колаковский же играл в этом деле явно не решающую роль¹.

5 Важнейшей частью «контрэлиты» Селезнёв считает кадетов, связанных с предпринимателями, вовлечёнными в международную торговлю (с. 14). Это определяло и позицию партии, активно поддерживавшей сближение с Англией (с. 28). «Великобритания, – пишет историк, – в концентрированном виде выражала тот идеал Европы, который являлся путеводным маяком для русских западников, традиции которых продолжали кадеты. Именно к этому маяку они и стремились». И если одни (П.Н. Милюков) «действовали прагматично», то у других (П.Б. Струве, С.А. Котляревский) «на первом месте находилась эмоциональная составляющая» (с. 51). Неудивительно, что во время Балканских войн кадеты чутко прислушивались к суждениям, звучавшим из Лондона, и в значительной мере руководствовались ими (с. 44–51). А после отставки летом 1916 г. министра иностранных дел С.Д. Сазонова их лидер Милюков стал основным апологетом британской политики в России.

6 Но Селезнёв допускает, что зачастую англичане использовали Милюкова «в тёмную», например, снабжая его необходимым компроматом. Так, именно они будто бы инспирировали знаменитую речь лидера кадетов 1 ноября 1916 г., направленную против председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, который добивался оглашения секретной Петроградской конвенции 1915 г. о передаче России после войны Константинополя и проливов и этим вызвал недовольство британцев (с. 105–106). Однако А.Ф. Трепова, сменившего Штюрмера и уже через несколько дней предавшего данное соглашение огласке, Селезнёв называет «антантофилом» (с. 174). Между тем он являлся одним из наиболее

влиятельных сотрудников своего предшественника и никаких разногласий относительно внешней политики между ними не наблюдалось².

7 На Милюкова также пытались влиять интриговавшие против Штюрмера министр финансов П.Л. Барк и российский посол в Лондоне гр. А.К. Бенкендорф, сообщивший лидеру думской оппозиции о стремлении главы правительства подготовить сепаратный мир. Граф очень рассчитывал на то, что Милюков поделится этой информацией с англичанами (с. 94–99), но почему-то не пожелал сделать это сам. Рассказывая о посещении Милюковым Швейцарии, Селезнёв признаёт, что там Павел Николаевич собрал множество слухов о тайных контактах эмиссаров «тёмных сил», близких к престолу, с немцами. Однако автор верит словам политика, утверждавшего, что вовсе не это являлось целью его поездки. В итоге выходит, что речь, произнесённая Милюковым 1 ноября, задумывалась и готовилась целым рядом лиц, но только не самим руководителем Прогрессивного блока. Причём все, кроме него, знали или догадывались, что Штюрмер никак не связан с Германией и её происками, и лишь Милюков искренне опасался измены. Более того, этот страх будто бы даже превалировал у него над всеми иными расчётами, не исключая и необходимости спасти единство Прогрессивного блока, к ноябрю начинавшего уже распадаться³.

8 Кадеты продолжали догматично следовать в русле британской внешней политики и в 1917–1918 гг. Даже призыв Милюкова весной 1918 г. пойти на сговор с Германией ради свержения большевистского режима не нашёл у них понимания. Партия, привыкшая следовать за своим лидером, тут проявила удивительную самостоятельность и вскоре окончательно сошла с исторической сцены (с. 173). Впрочем, весной 1918 г. её члены верили в скорый успех Антанты и понимали, что сотрудничество с немцами, даже если бы оно позволило избавиться от большевиков и создать кадетское правительство, вывело бы Россию из числа победителей в войне. Поэтому поведение Милюкова воспринималось как неожиданная и неоправданная авантюра⁴.

9 Временное правительство не смогло организовать наступления на фронте и потому оказалось для Антанты не самым лучшим партнёром. Но зато после отставки Милюкова с поста министра иностранных дел оно в мае 1917 г. отказалось от любых послевоенных притязаний и провозгласило курс на «демократический мир», что полностью соответствовало интересам Британии. Селезнёв показывает, что октябрьский переворот не вызвал серьёзных изменений в политике Антанты в России. Первоначально союзники готовы были вместе с большевиками продолжать борьбу против немцев (с. 136–138). Но если Франция полностью отрицала любую возможность переговоров с ними, то Британия действовала более гибко, предпочитая, чтобы обсуждение тяжёлых условий мира, выдвинутых Центральными державами, затянулось и привело затем к национальной консолидации русского общества. Большевики при этом практически неизбежно потеряли бы власть (с. 143–147). Не случайно на рубеже 1917–1918 гг. англичане не поддержали антибольшевистские силы. Действия Н.Н. Духонина, исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего и установившего контакт с прогерманской Украинской народной республикой, их планам не соответствовали. Селезнёв даже не исключает, что убийство генерала могло быть частью «специальной операции» (с. 146–147). Деятельность Учредительного собрания, гипотетически способного создать легитимное правительство, которое вело бы мирные переговоры от имени всего народа, лишь затрудняла бы положение союзников (с. 161–163). Между тем даже Брестский мир рассматривался в Британии как приемлемый тактический приём (с. 175–176). В.И. Ульянов (Ленин) вёл двойную игру, пойдя на переговоры с Берлином и его союзниками и одновременно стараясь сохранить относительно боеспособную армию, что не противоречило английской политике. Разрыв Лондона с Совнаркомом произошёл лишь после отказа большевиков от идеи «революционной войны» с немцами в мае 1918 г. (с. 156–159).

10 В целом автор монографии выстраивает концепцию, согласно которой Британии при помощи своих сторонников в правящих кругах и в «контрэлите» Российской империи удалось втянуть её в мировую войну, вплоть до 1918 г. успешно блокировать любые поползновения к сепаратному миру, заставляя воевать даже после отказа от всяких

внешнеполитических амбиций, а позднее и вовсе выведя из числа великих держав. Но при этом, как правило, предполагаемые агенты британского влияния действовали вслепую и уже в силу этого почти не оставили прямых свидетельств, подтверждающих наличие у них или у их руководителей подобной стратегии. Её реконструкция остаётся собственно уделом историка.

Remarks:

1. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М., 2014. С. 62–71.
 2. *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 467–468, 483–491.
 3. *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 222–232.
 4. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998. С. 439–442, 461–462; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 2. М., 2000. С. 24–32.
-

References:

1. Ajrapetov O.R. Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917). 1915 god. Apogej. M., 2014. S. 62–71.
2. Gajda F.A. Vlast' i obschestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917). M., 2016. S. 467–468, 483–491.
3. Gajda F.A. Liberal'naya oppozitsiya na putyakh k vlasti. 1914 – vesna 1917 g. M., 2003. S. 222–232.
4. Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticeskoy partii. V 6 t. T. 3. M., 1998. S. 439–442, 461–462.
5. S'ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticeskoy partii. V 3 t. T. 3. Kn. 2. M., 2000. S. 24–32.

Рец. на: Ф.А. Селезнев. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб.: Алетейя, 2017. 178 с.

Гайда Федор Александрович

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 09.11.2021

Ссылка для цитирования:

Гайда Ф. А. Рец. на: Ф.А. Селезнев. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб.: Алетейя, 2017. 178 с. // Российская история. – 2021. – Выпуск 6 С. 211-214 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870017296-6-1/>
DOI: 10.31857/S086956870017296-6